

Номинация в он-лайн журнал "Живая Лента". Конкурсная подборка лауреата Международного литературного конкурса "4-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2015".

Дмитрий БЛИЗНЮК, Харьков (Украина)

НЕ ГРУСТИ, ЗЛАТОУСТ

Молния в стакане

Хочу тебя бросить,
как камень в озеро,
но не могу. К утру я сам - выжатый камень,
завернутый в мокрую простыню;
ты на кухне мурлычешь, готовишь еду.
Я проделал в тебе огромную дыру. И попался.
Женщина-капкан с промасленными волосами-зубцами.
Твои соски оставляют вмятины на моей щеке,
как шипы от футбольных бутс.
Я - изумрудный жук
внутри большого пустого шприца,
и кто-то медленно вдавливают поршень -
бежать некуда, а впереди твой пупок,
через который сочится любовный сок,
как сквозь иглу.
Когда я остаюсь один -
бутафория одиночества из желтого картона -
я пишу о тебе, надеюсь,
что ты раствориться в словах, как в кислоте;
стрекозой перепрыгнешь из реальности на монитор
(переливаю впечатления, точно донорскую кровь
невидимому раненному божеству).
В минуты страсти
мы вдвоем внутри одной горячей кожи:
ворочаемся, обвиваемся,
пытаемся растечься друг по другу.
Так близнецы бы в утробе нежно стучались лбами;
когда тебе хорошо, ты разжимаешь когти,
будто перстень - тонкие зажимы,
и роняешь хриплый бриллиант выдоха мне на шею
с благодарностью и остервенением,
с легчайшим отчуждением.
Копируешь маленькую девочку: "Всё, я поела".
Редкостны часы, когда мы вместе. Ты знаешь, что сейчас ходишь
полуголая в моих стихах, ищешь затерявшуюся серёжку или трусики,
снимаешь цепочку, чтобы не путалась в волосах.
Женщина должна чувствовать себя внутри чего-то -
флакона или внимания,
молния в стакане,
цветок, сосущий свет,
яд внутри жала или медуза времени.
Так ребёнок тягает за усы послушного гепарда,
и я ничего не могу сделать,
просто - не хочу ничего менять.
Когда ты голая - эта естественная обнажённость,
точно сабля без рукояти - сплошное лезвие:

за что ни возьмись - за бедра или за волосы.
Ты - Ева, и это ты была змеей-соблазнительницей,
меня одурачили, и теперь мы вместе
терпим сей немыслимый бред смертей и скитаний,
песочные часы инкарнаций из пустого в порожнее.
Ты хищно ешь жареные крылышки - самка богомола,
и абрис груди притягивает меня сквозь футболку.
Женщина - это сплошное вооружение:
так хочется погладить ежа,
осторожно взять его на руки.
Глядишь – а это граната.
Бах!

И мы, обнявшись на кухне, исчезаем в солнечном свете,
текущем сквозь французское окно,
исчезаем как символ,
как картина, которую медленно протирают ваткой,
смоченной спиртом времени.
Идешь к женщине - не забудь
отдать ей половину королевства.

Антимотылек

Тьма сгущалась наискосок,
будто кто-то играл каприччио Паганини на скрипке
без струн, без лакированных хрящей,
без рук и без смычка - на одном вибрирующем сгустке теней.
И хотелось подойти к раскрытому окну
и выхватить голыми руками кусок синего неба,
ослепительного, остывающего.
Антивечер.
Антимотылёк летит на свет антисвечи,
в комнатах все вывернуто наизнанку:
вывернуты зеркала - внутренности зеркального карпа.
Шторы, будто кони, пьют светящуюся пыль у сонного водопоя,
и так тихо, что скулящий звук телевизора этажом ниже
просачивается сквозь тишину - звуковой кровью
сквозь бетонные распаренные бинты.

Не грусти, златоуст

Сельская тишина - толстый бутерброд с маслом,
щедро присыпанный сахаром луговых стрекоз.
В ближайшие сто лет здесь ничего не произойдет,
в future simple тебя никто не ждет.
Только внезапно нахлынет красноватая синева вечеров

с повышенным гемоглобином,
и зашевелиятся хищные звезды, задвигают клешнями -
настоящие, страшные звезды,
а не мелкое городское зверье в намордниках смога.
И луна привинчена ржавыми болтами к небесам на века,
как баскетбольное кольцо,
и филин летит слишком низко - не достать трёхочковым броском.
Парочка поедает друг дружку под темным окном;
кожа плотной девицы с толстой косой
покрыта лунной пылью - со вкусом плохо смытого мыла;
поцелуи грубы и жадны, сладки и приторны, как рахат-лукум.
Вокруг разлито такое опьяняющее постоянство,
что ты не отличаешь дня от ночи.
И днем весь ландшафт, куда ни глянь,
голубой газовый шарф с запутавшимся воробьем;
коза улеглась на старой будке,
петух важно бродит по двору с хлястиком мозга наружу.
А по ночам упрямый мотылек
бьется головой об освещенное стекло,
как буйнопомешанный ангел в мотоциклетном шлеме
о стену.

Здесь революционеры впадают в спячку, как лягушки.
Здесь не имеет смысла откладывать с полочки
на путевку в Египет.
Здесь все живет согласно теореме Еремы,
здесь все поддержу дремой.
И пьянят по вечерам крепкие, как спирт, рулады сверчков;
хочешь - грильяж созвездий погрызи,
а на рассвете грубые домики примеряют дожди,
как самки гоблинов - ожерелья...
Мечты не сбылись? Ну и что?!
Ангелы на мотоциклах умчались без вас,
бросили с рюкзаками на проселочной дороге?
Жар-птицы разменялись на зажигалки?

Так не грусти, златоуст.
Ты - нарисованный человечек на школьной доске,
и тебя медленно стирают снизу вверх,
сейчас виден один бюст,
и уже растворяется локоть под губкой во влаге.
Жизнь не идет, а прыгает, как Царевна-лягушка,
со стрелой в толстых губах,
по-песьи тащит апорт, и вершины не взяты.
И тишина все так же неприступна, и приступ взросления длится,
спущенные колеса велосипеда шамкают

по теплой пыли, и звезда со звездой все больше молчит.
Жизнь проходит, оттесняя тебя к шумящему краю.
Господь давал помечтать,
посидеть за рулем лимузина-мира,
а затем, как щенка, бросал назад
и вставлял ключ-рассвет в зажигание...

2015

